

ЧАСТЬ I

Лето

ГЛАВА 1

Мысли из Тосканы
Эмили Робертсон

Сегодня я вспоминала час пик. Как добиралась до работы в Лондоне: освежающая прогулка с ароматом выхлопных газов, мешки для мусора, хлопающие на ветру; недолгая, но жестокая борьба за место в метро, всю дорогу в котором я провожу, уютно уткнувшись в чью-то подмышку, извиняясь каждый раз, когда кто-то на меня наступает; подъем по эскалатору, и в конце концов я, измученная, на своем рабочем месте.

Сейчас же мой путь на работу выглядит следующим образом: проснуться под оперное пение нового петуха соседей, распахнуть тяжелые ставни, чтобы утреннее солнце осветило каждый сантиметр спальни с деревянными балками и каменным полом. Спуститься вниз на чашечку эспрессо с кусочком свежей дыни и инжиром; принять душ в ванной с захватыва-

ющим видом на бескрайние холмы Тосканы; надеть тонкую хлопковую юбку с футболкой, затем медленно прогуляться к своему столу на террасе под оливковыми деревьями. Сесть. Думать. Дышать.

В такие дни я не переживаю из-за последней идеи супруга купить свинью и стать охотником за трюфелями. Я не переживаю, что старшая дочь взяла привычку сидеть на площади и строить глазки молодым итальянцам; что младшая дочь отказывается есть что-то помимо очищенного винограда и батончиков Mars. Я не переживаю из-за того, что, как сказал дорогой старина Романо, мы должны начинать сбор оливок, когда Луна в Тельце, или что *acqua minerale*¹, которая (что потрясающе) проведена из нашего собственного колодца, превратилась в жалкую струйку. Нет, я не переживаю ни о чем. Я сижу и думаю.

И когда я думаю про час пик, то улыбаюсь.

— Мам, воды опять нет.

Эмили Робертсон смотрит на свою старшую дочь, которая стоит в лучах золотого солнца. Позади нее сербристая оливковая роща сливается с бледно-желтыми холмами, превращаясь в охру там, где встречается с небом.

Сосны стали завораживающе темными, а сам дом, терракотовый в сумерках, сейчас выцвел до бледно-розового. Все это до невозможности красиво — и совершенно ее не трогает.

— О господи, — говорит она слабо. На столе перед ней сверкает экран ноутбука, и она нажимает «Отправить». Еще одни «Мысли из Тосканы» готовы.

¹ Минеральная вода (итал.). — Здесь и далее прим. пер.

— О господи? И все? О господи? Это все, что ты можешь мне сказать? — Праведный гнев Сиены вот-вот поднимет ее в воздух, вознесет как современную Богородицу. — Мне через час идти к Джанкарло, а я не могу даже волосы вымыть. Потому что в этом чертовом доме нигде нет воды. Господи! Неудивительно, что папа здесь не бывает.

— Он завтра приезжает, — говорит Эмили, испытывая совсем маленький, крошечный укол страха.

Сиена пропускает это мимо ушей.

— Что мне делать с волосами?

— В чайнике оставалась вода, — вспоминает Эмили. — Я принесу.

Она встает из-за стола и морщится, выходя из-под тени террасы. Уже почти полдень, и солнце жарит всю. Эмили чувствует, как оно бьет ей в голову, пока она идет по выжженной траве и поднимается по узким каменным ступеням к двери кухни. Сиена следует за ней молча и настороженно, не желая успокаиваться.

В кухне темно и прохладно. Босые ноги Эмили сжимаются от удовольствия, коснувшись холодного каменного пола. Остатки завтрака — хлопья, паста *Marmite*¹, коробка *Coco Pops*, привезенные из Англии, — так и лежат на столе. Чайник на газовой плите (в Италии невозможно найти электрические) наполнен наполовину. Эмили робко протягивает его Сиене.

Сиена сквозь зубы бормочет: «Спасибо» — и идет к узкой лестнице, ведущей в спальни. В дверях она останавливается. Эффектно уходить — ее фишка.

¹ Пряная пищевая паста на основе пивной закваски с добавлением витаминов, трав и специй.

— Кстати, мам, — говорит она, — у тебя юбка сзади порвана. Видела?

Младшая дочь Эмили, Пэрис, пишет в дневнике: «*О мрак, бескрайний мрак среди сияния полудня...*» Она останавливается на секунду, чтобы взглянуть на черные слова на белоснежной странице и подумать, что, скорее всего, в мире нет другой тринадцатилетней девчонки, которая бы цитировала «Самсона-борца»¹ запросто и так к месту. В конце концов, вот она сидит под этим ужасным, добела раскаленным итальянским солнцем, люющим в окно (не совсем, конечно, полуденное сияние, но все великие писатели позволяют себе немного вольностей с фактами), и она, совершенно очевидно, *в черном отчаянии*.

Немного успокоившись от мыслей о черноте своего отчаяния, Пэрис переворачивается на спину и смотрит в потолок. На ней только белая майка и футбольные шорты, но все равно безумно жарко. Девочка чувствует себя вялой и вымотанной от духоты. Мама дала ей в комнату вентилятор, но, кажется, он только и делает, что гоняет горячий воздух по углам. Потолки в доме — гордость и радость Эмили: темные, изогнутые арками балки тянутся вдоль необычной кирпичной кладки — как в соборе, по ее словам. Но Пэрис, глядящей вверх, кажется, что она находится в грудной клетке какого-то доисторического монстра. «Все так сохранилось, — говорит мама, — словно мы вернулись в прошлое». Так и есть: возвращаешься все дальше и дальше в прошлое,

¹ Драматическая поэма английского поэта XVII века Джона Мильтона.

пока в конце концов не превратишься в ничто, плавающее в какой-то ужасной темной материи. Солнце светит, трещат кузнечики, и ничего никогда не происходит. Кроме того, что она, Пэрис, становится все более несчастной, и никто этого не замечает.

«Я ненавижу этот дом, — пишет она в миллионный, как ей кажется, раз. — Я ненавижу Тоскану, и я ненавижу Италию, и я ненавижу, что у меня нет друзей и мне нечем заняться, кроме как лежать и ждать, пока станет прохладнее, чтобы я могла, может быть, пойти погулять». Она останавливается, задумываясь, как сильно ненавидит фразу «пойти погулять». Ее мама так говорила, когда они еще жили в Лондоне: вечер воскресенья, сытный обед, футбол по телику, «Давайте пойдем погулять». Папа всегда очень уставал после рабочей недели, Чарли был слишком маленький, а просить Сиену о чем-то отдаленно напоминающем физическую нагрузку было себе дороже. Поэтому они с мамой всегда гуляли вдвоем. Они долго и муторно тащились мимо закрытых магазинов к паркам, где семьи пытались запускать воздушных змеев в безветренный воздух, а маленькие бритые мальчишки играли в футбол с какой-то необычной жестокостью. Будь у них собака, все могло бы быть по-другому, у прогулки появилась бы цель; но у Чарли (разумеется!) была астма. «Еще одна причина переехать в теплый климат», — заливалась соловьем мама. Еще одна причина ненавидеть Чарли.

«Прогулка, — пишет она. — Тут даже не погуляешь по этим дурацким холмам, потому что на них полно всяких камней и торчат корни деревьев; и как только ты добираться до подножия одного, перед тобой уже следующая. Во всей Тоскане нет даже кусочка нормальной плоской земли, а если бы была, мальчишки из школы построили бы

там футбольное поле, потому что ни о чем другом они вообще не думают».

Она откидывается назад, устав все ненавидеть. Открывается дверь (без стука, конечно), и всплывает Сиена с раскиданными по плечам мокрыми волосами.

— Пэрис, можно взять твою красную резинку?

— Нет, — отвечает Пэрис с закрытыми глазами.

— Да господи! — Сиена в ярости, хотя в глубине души даже не удивилась. — Зачем она тебе вообще? У тебя теперь короткие волосы, ты ею не пользуешься.

— Храню как украшение, — говорит Пэрис, не открывая глаз.

— Боже, вот ты больная. — Сиена уходит к двери и пробует последний, отчаянный способ: — Я маме расскажу.

Пэрис издает презрительный смехок, показывая Сиене, что разговор окончен, и это срабатывает.

Олимпия, уборщица и по совместительству няня, паркует свой хрипящий трехколесный фургон у открытой двери кухни. Затем нежно достает трехлетнего Чарли, который успел задремать по дороге из детского сада. Он ходит туда по утрам три раза в неделю, чтобы петь итальянские песенки и делать картинки из сухих макарон и клея с блестками.

— *Carissimo*¹. — Олимпия чмокает его взъерошенную светлую голову. Чарли просыпается и раздраженно отпихивается. Иногда, когда он в хорошем настроении или хочет побесить свою маму, он сидит у Олимпии на коленях и позволяет ей петь ему песни про свадьбу

¹ Самый дорогой (итал.).

сверчка и кузнечика. В остальных случаях он холодный и отстраненный как с мамой, так и с Олимпией, которые все равно души в нем не чают.

— Дело даже не в том, что он как-то по-особенному интересен, — Сиена и Пэрис в этом вопросе солидарны друг с другом как никогда.

— В нем нет ничего особенного, он просто маленький, — подчеркивает Пэрис. — Карлики тоже маленькие.

— Он мальчик, — мрачно отвечает Сиена.

На кухне Эмили удрученно зашивает дырку на юбке. Она не удосужилась снять ее, поэтому выкрутила подол и делает крупные, неровные стежки. Олимпия с Чарли на руках критически на это смотрит.

— *Uno strappo*¹, — объясняет Эмили сконфуженно. Ей кажется, что итальянки никогда бы не порвали свою одежду, а если бы такое случилось, у них были бы маленькие женщины (возможно, албанки), чтобы ее починить. Да и вообще, итальянки скорее умрут, чем согласятся облачиться во что-то из хлопка с цветочками длиной по щиколотку.

— *Carlito é stanco*², — вставляет Олимпия. Иногда она говорит с Эмили только по-итальянски, а иногда демонстрирует довольно неплохое владение английским, хоть и разговорным.

— Чарли! Малыш! — Голос Эмили мгновенно меняется. Пэрис, наблюдающая за этим с порога, думает, что лицо мамы всегда становится безвольным и повисшим, как мешок, когда она смотрит на своего младшего ребенка. Пэрис больше устраивает, когда оно напря-

¹ Дырка (итал.).

² Карлито (Чарли) устал (итал.).

женное и оживленное, а все эмоции на нем заранее известны, как это было в золотую пору до рождения Чарли. Когда они жили в Лондоне.

— Хочу шоколад, — требует Чарли тем жалобным тоном, который, как оказалось, работает на двух языках.

— Малыш, — говорит Эмили, — мы договаривались: один маленький кусочек после обеда. А что у нас на обед? Паста? Яичница?

Это бесполезно. Рот Чарли становится квадратным, и он начинает выть в недавно отреставрированный потолок, что ему нужен шоколад и он хочет его сейчас, сейчас, сейчас. Ни он, ни Олимпия не считают нужным упомянуть два батончика *Kit-Kat*, которые он съел в машине.

Пэрис выскальзывает из комнаты как привидение. Когда она была маленькой, шоколад они получали только как угощение на день рождения или Рождество. Она все еще помнит вкус шоколадных монет, которые они находили в рождественских чулках. Молочный, странный, вообще непохожий на нормальный шоколад. Если подумать, он мало чем отличался от итальянского. Мама говорит, что итальянский шоколад лучше, чем английский, потому что в нем меньше добавок. И Пэрис понимает, что именно добавки делают его вкусным. Она представляет итальянский шоколад, упакованный в синие и серебряные мешочки, перевязанные бантами, и батончики *Mars*, такие же твердые и яркие в своем черно-красном наряде, как сам бог войны. Аж слюнки текут. Кажется, что завтрак (три идеально очищенные виноградинки и хлебная палочка) был очень давно, но она пообещала себе больше ничего не есть. Более того, это такая сделка. Если она не будет есть, все станет

лучше. Мама перестанет трястись над Чарли и игнорировать всех вокруг, папа будет приезжать домой чаще, а Сиена просто куда-нибудь уедет. Все это связано каким-то сложным образом, который она не очень понимает из-за этого грызущего чувства голода в животе. Чувства, которое, каким бы неприятным оно ни было, стало ей почти компанией, почти другом.

Пэрис подходит к двери кухни, когда комариный писк «веспы»¹ возвещает о прибытии Джанкарло. Худой и почти пугающе темный, он ухмыляется Пэрис, прежде чем громко позвать Сиену. «Не беги, — молча наставляет она сестру, — заставь его хотя бы слезть с этого чертова мопеда». Но восторженное *Pronta*² уже разносится по дому, и Сиена появляется в облаке лучшего парфюма мамы. Когда «веспа» с визгом съезжает с дорожки, в воздухе мелькает украденная красная резинка.

На кухне счастливый Чарли ест шоколадный батончик. Напротив сидит Эмили и режет томаты. Олимпия шумно подметает коридор.

— Что будем есть на обед, Пэрис? Как насчет вкусного салата?

— Я ненавижу салат.

— О, дорогая. — Снова это лицо. — А раньше ты так любила. Помнишь, как ты пошла к Ребекке на чай и попросила салат? Я так гордилась тобой.

— Мам, мне было пять.

— Потому что и было необычно, — искренне говорит Эмили. — Если подумать, что обычно едят дети в пятилетнем возрасте.

¹ *Vespa* — марка итальянского мотороллера.

² Я готова (итал.).

— Стараюсь об этом не думать, — отвечает Пэрис, многозначительно глядя на измазанное шоколадом лицо Чарли.

— А как насчет пиццы? — не успокаивается мама, совсем не понимая ее.

— Mam, я просто не голодная. Слишком жарко, чтобы есть.

— Хотя бы выпей чего-нибудь холодного.

Чтобы утихомирить мать, Пэрис подходит к раковине в фермерском стиле, спроектированной в Милане и заказанной через интернет. Кран плюет в нее грустной струйкой коричневой воды.

— Mam! Воды опять нет.

Далеко отсюда — хотя, может, и не так далеко, как кажется, — Петра Маккалистер сидит в подвальной кухне своего дома в Брайтоне и читает газету. Снаружи серый ливень хлещет по безлюдной набережной. Те немногие отдыхающие, которые осмелились выйти на пирс, теперь жмутся друг к другу под его фигурными викторианскими навесами. Огни аттракционов едва видно в тумане, а вездесущая музыка пляжного диджея придает всему странный, сюрреалистический вид. Из колонок звучат жизнерадостные летние песни о веселье, смехе и бесплатных напитках. Тем временем дождь неумолимо льется из низких туч.

Петру едва ли волнуют дождь, пирс или промокшие туристы. Она привыкла к летнему Брайтону. К тому же из своего подземного окна она видит только ноги, спешащие прочь. Мокрые ноги, замерзшие в надетых не по погоде босоножках, самодовольные ноги в рези-

новых сапогах, а иногда и босые ноги армии бездомных, спящих на площади неподалеку.

Петра наливает себе еще одну кружку кофе и расстилает газету на столе. Она слышит мальчиков в детской наверху, и, хотя их голоса повышены, она понимает, что так задумано для игры.

— Как ты посмел сломать мою дорожку?! — вопит Джек, но Гарри, не дрогнув, продолжает носовое исполнение мелодии из «Паровозика Томаса». Значит, все в порядке.

По привычке она сразу пролистывает газету до «Мыслей из Тосканы». Рядом с колонкой элегантно изображена тосканская вилла на склоне холма с одним идеальным оливковым деревом рядом. Петра ставит кружку на крышу тосканского дома, с удовольствием замечая, что немного кофе пролилось на его живописную пологую крышу.

«У лета на вилле “Серена” свой особый ритм, — читает она. — Я просыпаюсь в шесть в мерцающей красоте рассвета, съедаю кусочек прохладного арбуза, делаю столько дел, сколько мне хочется, и к полудню я готова к сиесте. В эти несколько часов я сплю лучше, чем когда-либо в Лондоне. Это глубокий упоительный сон под колыбельную сверчков снаружи и металлическое жужжание вентилятора в моей спальне. Я просыпаюсь в конце дня, а когда наконец наступает ночь, мы едим первый раз за день, сидя на террасе под звездами».

Петра вздыхает. Она и не помнит, когда последний раз у нее был хороший сон, упоительный или нет. Она думает об Эмили Робертсон, с которой они дружат еще

с университета. С одной стороны, Петра счастлива, что Эмили так прекрасно живет в Италии, а с другой — ей хочется хорошенько ударить ту по поцелованной солнцем щеке. Еще она по ней очень скучает.

Петра лениво листает страницы. Это воскресная газета (хотя сегодня вторник), и страницы огромные и нескладные. Ее кот, которого Гарри нарек Томасом, а остальные члены семьи прозвали Толстым Контролером, прыгает на газету. Петра отталкивает его и начинает читать статью об опасностях кофе. Потом останавливается. Двигает пушистую тушку Томаса дальше и видит под его левой лапой фотографию мужчины лет сорока, симпатичного, с полуулыбкой. «Доктор Майкл Бартницки, — читает она, — консультант по неврологии в Королевском колледже Лондона...» Затем читает еще раз.

— Майкл, — вслух говорит она. — Так вот куда тебя занесло.

В Тоскане Эмили безуспешно пытается разобраться с водой уже пару часов. Сначала она звонит в «Идраулику», компанию по водоснабжению, расположенную посреди футуристического великолепия всего в паре холмов от дома. Но, несмотря на то что она тщательно составила в голове предложение на итальянском (*non abbiamo acqua*¹), женщина на другом конце провода, видимо, понятия не имеет, о чем она говорит, и хранит скептическое молчание. В конце концов Эмили хватается Чарли (Олимпия уже ушла домой) и с трудом тащится к своему крошечному «фиату».

¹ У нас нет воды (итал.).

— Пэрис! — зовет она. — Не хочешь прокатиться?

Ответом ей служит скептическая тишина, а затем раздаётся фырканье, которое Эмили принимает (и правильно) за отрицательный ответ.

Машина раскалена. Чарли визжит, когда касается кресла голыми ногами. Эмили суматошно опускает окна.

— Будет получше, когда поедем, — обещает она. Чарли угрюмо смотрит на нее. В машине Пола есть кондиционер, но она в аэропорту Пизы, ждет возвращения своего хозяина. «Сама подумай, дорогая, — сказал Пол. — Я же не могу встречаться с клиентами на “Фиатепанда”». Эмили сдалась без разговоров. Он призвал себе на помощь слово на «к», а клиенты в их семье священны.

Теперь, пока они съезжают с дорожки, горячий воздух дует через окна, как будто на них направлен гигантский фен. Зато Чарли немного веселеет, особенно когда Эмили включает его любимую кассету — детские песенки в исполнении невероятно веселого трио с успокаивающим северным акцентом. Дома Чарли презирал эту кассету как безнадежно детскую, а здесь цепляется за нее как за звуковой эквивалент одеяла безопасности. Может, дело в голосах, таких веселых, которые поют на английском с носовыми гласными и с придыханием. Эмили нехотя признает, что и её голоса кажутся необъяснимо утешительными.

«Идраулика» всего в нескольких милях от виллы «Серена», но из-за того, что оба здания стоят на вершинах холмов, нужно спуститься с одного и подняться как минимум по трем другим. Эта местность называется Альпделла-Луна, Лунные горы. Холмы здесь густо поросли лесом, в котором изредка мелькают белые скалы, плоские равнины и раскиданные по верхушкам городки,

обнесенные стенами, как крепости. Ближайший к вилле город — Монте-Альбано, средневековая цитадель, построенная вокруг квадратной башни и живописной мощеной пьядцы¹. Эмили с трудом ведет машину по узким улочкам, минуя низкую каменную арку и толпу туристов, когда понимает, что проехала с нарушением несколько улиц со знаками *senso unico*² (она живет в Италии достаточно давно, чтобы знать, что это не просто допустимо, но даже необходимо). Затем спускается с другой стороны через другую арку, вниз по холму через цепь пыльных и резких поворотов, на каждом из которых мелькает захватывающий, невероятной красоты вид. На кассете счастливые голоса расппевают про двухэтажные автобусы. Кажется, что все это в миллионах миль отсюда.

Держась за руль мокрыми от пота руками, она проезжает несколько одинаково красивых городков на холмах, каждый с библейским пейзажем из кипарисов и гор. Едет мимо бесчисленных церквей и придорожных гротов, мимо одного прекрасного вида за другим. Когда они впервые были в Тоскане, Эмили восторгалась каждой полуразрушенной аркой или лазурно-голубой Мадонной, пока Сиена и Пэрис не начали ее грубо передразнивать: «О, смотрите! Мусорный ящик. Как очаровательно! О, а вот типичный итальянский наркоман. *Che carina!*³» Пол тогда рассмеялся, и Эмили оскорбленно замолчала.

Она все еще считает итальянские пейзажи невероятно красивыми, это правда; но приходится признать,

¹ Площадь (итал.).

² Одностороннее движение (итал.).

³ Как мило! (итал.)

что и к красоте можно привыкнуть настолько, что она превращается в очередную ежедневную рутину: заправить кровать, приготовить обед, подмести полы, по-восхищаться видом.

«Идраулику» видно за несколько миль, она выглядит как современный замок с новыми белыми стенами, ослепительно сверкающими на солнце. *Azienda Idraulica Comunale*¹ — написано на вывеске маленькими неприветливыми буквами. Эмили проезжает ряды автоцистерн и паркует машину перед царственным входом из мрамора. Пока она вытаскивает Чарли, он с благоговением смотрит вверх.

— Это дворец? — спрашивает он.

После полуденной жары холл «Идраулики» кажется морозным. «Как странно, — думает Эмили, начиная дрожать, — что тело за секунду может забыть, как ему когда-то было жарко». Они пересекают, кажется, километры оранжевого мрамора и останавливаются у стойки, гротескно украшенной бронзовыми змеями. Изысканная мебель и ледяной холод создают ощущение, словно она в гробнице. Эффектная женщина-администратор без интереса смотрит на них из-за змеиных баррикад.

Эмили нерешительно начинает:

— *Scusi. Abito a Villa Serena. Non abbiamo acqua*².

— Вы оплатили счет? — спрашивает администратор на безупречном английском, постукивая изящными ноготками.

— Да, — отвечает Эмили, послушно переходя на английский, — мы платим прямо...

¹ Муниципальное гидравлическое предприятие (итал.).

² Извините. Я живу на вилле «Серена». У нас нет воды (итал.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ЛЕТО	7
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	71
Глава 7	83
Глава 8	94
Глава 9	118
ЧАСТЬ II. ОСЕНЬ	130
Глава 1	130
Глава 2	143
Глава 3	157
Глава 4	167
Глава 5	175
Глава 6	185
Глава 7	198
Глава 8	209
Глава 9	211
Глава 10	226
Глава 11	230
ЧАСТЬ III. ЗИМА	239
Глава 1	239
Глава 2	253
Глава 3	262
Глава 4	275

Глава 5.....	284
Глава 6.....	303
Глава 7.....	312
Глава 8.....	326
Глава 9.....	346
ЧАСТЬ IV. ВЕСНА.....	348
Глава 1.....	348
Глава 2.....	358
Глава 3.....	369
Глава 4.....	381
Глава 5.....	390
Глава 6.....	398
Глава 7.....	404
Глава 8.....	409
Эпилог.....	423
Благодарности	428